
Глава 59. Будни арены

Чжун Цай стоял в углу помоста, постепенно чувствуя, как над ним сгущаются тучи. Он украдкой огляделся по сторонам.

«Ого, их тут со всех сторон прибыло... по меньшей мере несколько десятков».

Хотя большинство из пришедших еще не достигли Сферы Освящения, от каждой из великих семей явилось как минимум по семь-восемь сильных бойцов. Зрелище было пугающим. По идее, им следовало бы сейчас яростно сражаться на других помостах, выбивая конкурентов, но почему-то все они собрались здесь.

Шао Цин, заметив, как на лице юного спутника проступает недоумение, быстро догадался, о чем тот думает.

— Сила брата У исключительна, — негромко пояснил он. — Среди молодых людей наших семей не осталось никого, кто мог бы сравниться с ним. Разумеется, теперь каждый хочет увидеть больше его приемов и проверить собственные способности в бою с таким противником. К тому же после победы над Цяо Мином любопытство толпы разгорелось с новой силой.

Юноша из семьи Шао слегка улыбнулся и добавил:

— Сегодня поединки на аренах подходят к концу. На других помостах защитники держатся уже по семь-восемь раундов, а кто-то и вовсе заканчивает последний бой. Имена победителей уже почти определены, и претенденты распределились по кругам.

Шао Цин предпочел не упоминать о том, что из-за молниеносности, с которой У Шаоцян выбивал противников, претенденты — за исключением разве что Цяо Мина — даже не успевали потратить сколько-нибудь значимый запас таинственной силы. Поражение на этой арене даже не мешало им пойти и бросить вызов кому-то другому.

Сам Цяо Мин уже обеспечил себе место в списке победителей, виртуозно удерживая собственный помост в предыдущие дни. Но У Шаоцян, по сути, напрямую «съел» одного из действующих защитников, и теперь члены кланов Бай и Шао с азартом ждали продолжения. Люди семьи Цяо, в свою очередь, мечтали не столько о мести, сколько о том, чтобы увидеть, как представители двух других семей сядут в лужу.

Чжун Цай уловил подтекст в словах собеседника, и его чувства стали неоднозначными.

«Мой Старина У, может, и не злодей в этой истории, но звание финального босса заслужил честно. Всего одна серия боев — а его уже обступили, как редкого монстра в рейде. Неужели решили „фармить“ его всей толпой?»

Чжун Цай перевел взгляд на помост и решительно сжал кулаки.

«Пусть пытаются. Мой Старина У — самый лучший, и никакой толпе его не одолеть!»

Как и предсказывал Шао Цин, три семьи начали посылать бойцов в строгом порядке: сначала Бай, затем Цяо, следом Шао... Они сменяли друг друга, словно по расписанию. Претенденты были сильны, но никто из них не мог выстоять против У Шаоцяня.

Некоторые пытались взмыть в воздух, надеясь на преимущество в маневренности, но техника движений Шаоцяня в небе была столь же стремительной и отточенной. На его фоне противники казались неуклюжими — пусть мастера Сферы Освящения и умели летать, до подлинного изящества им было далеко. Поняв, что в воздухе они лишь подставляются под удар, бойцы быстро оставили эту затею.

Казалось, над ареной нависло какое-то проклятие: каждый новый претендент неизменно падал с помоста, не продержавшись и десяти раундов. И что самое странное — все они видели предыдущие бои, знали скудный набор приемов нового защитника, но всё равно не могли ни защититься, ни увернуться!

Сходя с арены, они выносили лишь один горький урок: в будущем нужно больше работать над физической силой, искать лучшие техники перемещения и, наконец, всерьез заняться практикой полета. Похоже, им во всём требовалась дополнительная закалка.

Вскоре три семьи выставили уже по три круга бойцов. Завершался последний бой второй серии вызовов, и на помост поднялся молодой гений из семьи Бай. Его слава была чуть меньше, чем у Цяо Мина, но он также считался «зерном» Сферы Возведения Дворца.

В отличие от девяти предыдущих бойцов, он не покинул арену сразу, а сумел навязать Шаоцяню настоящий бой.

Стиль воина семьи Бай был властным и сокрушительным. Пусть он уступал в скорости Цяо Мину и уж тем более Шаоцяню, его интуиция была невероятно острой. У Шаоцянь, словно почуяв достойный вызов, сам пошел на сближение.

Боец клана Бай начал защищаться на одних инстинктах, прежде чем успел осознать движения противника. Всякий раз ему удавалось заблокировать атаку, пусть и с опозданием на волосок. После каждого столкновения он отступал на несколько шагов, но благодаря мастерской технике движений удерживался на самом краю помоста.

Однако У Шаоцянь двигался слишком непредсказуемо. Его атаки, вопреки изящному облику, дышали первобытной яростью. Острые концы тяжелого лука с резким свистом рассекали воздух, пробивая защитную мягкую броню гения Баев. Когда лук обрушивался сверху, раздавался грохот, подобный взрыву камня. Боец из последних сил уклонялся и перенаправлял удары, понимая: стоит этой махине хоть вскользь задеть его кожу, и тело будет безнадежно искалечено.

Тетива лука оказалась не менее опасной. Она двигалась мягко, почти ласково, но звук, с которым она резала воздух, напоминал треск разрываемого шелка и нес в себе ледяную жажду смерти.

Юноша из семьи Бай каждую секунду чувствовал дыхание гибели. Дело было не в его ошибках — он просто уступал противнику в каждой детали. Его богатый боевой опыт позволял лишь затягивать агонию, не давая возможности для мало-мальски серьезного ответа.

Постепенно его таинственная сила иссякла. У Шаоцянь внезапно оказался на другом конце арены. Никто не успел заметить, как это произошло, но в его руках уже была стрела, наложенная на тетиву. Он всегда был слишком быстр в этом движении.

Боец семьи Бай замер, чувствуя, как наконечник целится ему точно в межбровье. Но было и еще кое-что — едва уловимая аура смерти, направленная прямо в его сердце. Он вскинул взгляд и похолодел. На луке была не одна, а две стрелы. Обе его жизненно важные точки были под прицелом.

Чжун Цай едва сдержался, чтобы не зааплодировать мужу, но лишь довольно хмыкнул, прищурившись.

Шао Цин заметил этот смешок, и его веки невольно дрогнули. Наблюдая за реакцией юноши, он окончательно убедился в своей догадке.

«Этот У Шаоцянь... Брат У мог бы закончить бой с Бай Цянем куда быстрее».

Похоже, Шаоцянь понял, что три семьи используют его как живой тренажер, и решил ответить им тем же — он использовал ближний бой, чтобы отточить собственные навыки. И даже затяжная гонка с Цяо Мином, скорее всего, была лишь тренировкой его техники перемещений.

Подавив минутное раздражение, практик из семьи Шао невольно улыбнулся:

— Брат У обладает поразительно хладнокровным разумом.

— Шаоцянь всегда был невероятно крут, — счастливо отозвался Чжун Цай.

Собеседник не совсем так выразился бы, но спорить не стал — по-своему юноша был прав. Они снова перевели взгляды на помост. Бай Цян признал поражение.

У Шаоцянь, как и прежде, сел в позу медитации, восстанавливая дыхание. И снова его взгляд первым делом отыскал Чжун Цая.

И снова, без малейшего сомнения, он встретил сияющую улыбку и заботливый, изучающий взгляд мужа. Шаоцянь смотрел на Чжун Цая, не отрываясь. Весь остальной мир в этот миг для него перестал существовать.

Шао Цин не стал мешать их безмолвному общению. Он лишь молча размышлял о том, насколько... особенным был этот мастер У.

«Нет, мне точно не показалось».

Стоило Шао Цину, постороннему человеку, подойти к Чжун Цаю чуть ближе, как взгляд Шаоцяня мгновенно проходил по нему — без явной враждебности, но с холодным, оценивающим вниманием. Но пока он сохранял текущую дистанцию — достаточно близкую для разговора, но исключая случайное касание, — защитник помоста словно вовсе переставал его замечать, как будто Шао Цина и не существовало вовсе.

Собеседник потер подбородок, испытывая легкое восхищение. В его памяти не было примера столь... гармоничной пары.

Битва на аренах продолжалась. Многие другие защитники, сталкиваясь с бесконечным потоком претендентов и зная стили друг друга, часто оказывались в плачевном положении, измотанные и избитые. Но для своих кланов они всё равно оставались героями, и никто не смотрел на их раны с презрением.

Однако на этом помосте У Шаоцянь неизменно сохранял облик абсолютного победителя. Это заставляло многих бойцов скрежетать зубами от досады, но в глубине души они не могли не чувствовать невольного почтения.

Ни на одном другом уровне не нашлось фигуры, подобной Шаоцяню. Поэтому он привлек внимание сильных мира сего, восседавших на высоких трибунах. Мастера Сферы Возведения Дворца копили силы перед собственными поединками, так что Городского главу и наблюдателей сопровождали старейшины семей в Сфере Слияния.

Городской глава Ян, сам будучи мастером Слияния, давно заметил необычное скопление людей у одного из помостов Освящения и послал подчиненных разузнать обстановку. Сам он тоже время от времени сканировал арену духовной мыслью. Наблюдатели ранга Возведения Дворца поначалу не обращали внимания на возню молодежи, но, заметив интерес главы Яна, тоже стали приглядываться.

Старейшина семьи Шао, наблюдая, как его потомков одного за другим сбивают с ног, лишь усмехнулся:

— Эти сорванцы слишком возгордились. Теперь, встретив достойного соперника, они наконец поймут, как велик мир!

Старейшина клана Цяо задумчиво произнес:

— Наш Цяо Мин всегда был слишком заносчив из-за своего Чёрного знамени тьмы. В нашем маленьком городе это сходило ему с рук, но в столице провинции, среди настоящих гениев, он бы быстро поплатился. Лучше пусть получит этот урок сейчас.

Старейшина Бай недовольно проворчал:

— Твой малый хоть и проиграл с треском, но духом не пал. Напротив, быстро взял себя в руки. Этот порог он перешагнул успешно, и будущее его будет светлым... Старый ты лис, радуешься — так радуйся, к чему эти высокопарные речи?

Старейшина Шао, сдерживая смех, добавил:

— Мальчишка из рода Цяо и впрямь неплох. Мы, совершенствующиеся, всегда идем сквозь тернии, и никто не может побеждать вечно. Потерпеть неудачу на помосте — значит не только сохранить жизнь, но и расширить кругозор. Это куда лучше, чем столкнуться с подобным кризисом жизни и смерти во время странствий.

Старейшина Цяо тут же расплылся в довольной улыбке:

— Что ж, приму вашу похвалу в адрес Цяо Мина от его имени.

Старейшина Бай лишь отмахнулся, не желая с ним спорить. Глава Ян тоже был доволен. Состязания кланов за титул часто превращались в кровавую бойню, но в Юйцзяо три великие семьи вели честную борьбу. Открытая настороженность присутствовала, но до подлых ударов в спину дело не доходило. Для Городского главы это означало меньше головной боли.

Наблюдатели разделяли его спокойствие. Им приходилось курировать аттестации во многих городах, и столь мирная обстановка была редкостью. Впрочем, тот факт, что заезжий мастер удерживает помост великих семей, их не слишком впечатлил. С их происхождением они видели достаточно гениев. Город четвертого ранга — это лишь средний уровень, энергия здесь не столь густа, и даже Небесный талант встречается редко. В городах второго ранга и выше Небесные и Бессмертные гении в двадцать с небольшим лет уже достигают Сферы Возведения Дворца. Разница в ресурсах и таланте порождает пугающую пропасть.

Сражения на помосте длились несколько часов. Каждые полчаса завершался новый круг. И если в первых девяти боях тактика У Шаоцяня оставалась неизменной, то претенденты лезли вон из кожи: в ход шли самые диковинные сокровища и техники.

К последнему бою круга схватки обычно затягивались. Но по мере того как шли часы, У Шаоцянь — то ли прогрессируя, то ли теряя терпение — заканчивал бои всё быстрее. Видя это, семьи продолжали призывать подкрепление из резервов.

Чжун Цай посмотрел на такое количество сопутствующих сокровищ... или их имитаций, что у него рябило в глазах. Ладно еще обычное оружие — мечи, сабли, копья. Но были и те, кто призывал души зверей.

Некоторые из этих душ сражались бок о бок с хозяином, обладая тем же рангом силы — получалось двое против одного, хотя толку от этого было мало. Другие служили «кавалерией»: они пикировали с воздуха или неслись на призванных зверях в лобовую атаку, сжимая в руках оружие, что придавало им огромную мощь. Были и те, кто сливался с душой зверя, обретая звериные черты: когти, чешую или многократно возрастающую мощь и скорость.

Чжун Цай не переставал восхищаться:

— Ого!

— Ничего себе!

— Ух ты...

Но неизменно за каждым возгласом следовало решительное:

— Старина У, бей его!

Шао Цин, чьи чувства поначалу были задеты такой предвзятостью, к концу дня окончательно смирился. Он просто перестал на это реагировать.

Наконец У Шаоцянь дошел до финала последнего круга. Три семьи договорились выставить против него самое сложное препятствие. Все гении, проигравшие ранее — Цяо Мин, Бай Цян и другие, — вернулись на арену для повторного боя. Это была битва на истощение. Целью был сам У Шаоцянь.

Каждый из гениев был по-своему горд, и хотя они решили действовать сообща, каждый хотел выйти первым — пока Шаоцянь был полон сил. В итоге они просто тянули жребий.

Чжун Цай, внимательно следя за происходящим, перевел взгляд на восстанавливающего силы мужа и обратился к собеседнику:

— Мне кажется, ты не слабее их. Почему сам не выйдешь на помост?

Шао Цин удивленно приподнял бровь:

— Откуда такая уверенность, юный Чжун?

— Шаоцянь часто тренируется со мной, — просто ответил Цай. — Он научил меня различать ауру каждого уровня Сферы Освящения.

Собеседник улыбнулся:

— Ваша связь поистине глубока.

Он повторял это почти в каждом разговоре, но Чжун Цяю это никогда не надоедало. На самом деле практик из семьи Шао, хоть и верил в их чувства, понимал: сколько бы Шаоцянь ни учил Цая, без врожденной чуткости это бесполезно. Чжун Цай не только безошибочно определял ранг Освящения, но и чувствовал истинную мощь Шао Цина, даже когда тот полностью

скрывал свою ауру.

Шао Цин хотел было еще что-то сказать, но заметил, что Чжун Цай уже не слушает его, полностью сосредоточившись на арене. Он тоже посмотрел на помост и замолчал.

У Шаоцянь восстановил энергию и спокойно смотрел на мужа. Чжун Цай показал ему большой палец. На губах Шаоцяня заиграла легкая улыбка. В этот раз она не исчезла, когда он повернулся к противнику, а так и осталась на его лице.

С этой мягкой улыбкой Шаоцянь встретил первого претендента. Им был Цяо Мин. Он по-прежнему выглядел мрачно. Цяо Мин знал, что проиграет, но жаждал еще раз сойтись с Шаоцянем в честном бою. Удача при жребии была на его стороне.

Однако... Стоило ему встать напротив Шаоцяня, как по спине Цяо Мина пробежал ледяной холод. Глядя на непривычно мягкое выражение лица противника, он почувствовал, как волосы встают дыбом.

«Что за чертовщина...»

Цяо Мин ощущал странную, необъяснимую тревогу. Он всмотрелся в лицо Шаоцяня и вдруг понял. Улыбка была доброй, но глаза оставались абсолютно мертвыми, без малейшего отблеска эмоций. Мимика была застывшей, словно высеченной из камня. Словно У Шаоцянь приказал себе выглядеть добрым. Это была безупречно контролируемая маска, лишенная малейшего живого чувства. От этого зрелища веяло чем-то жутким и неестественным.

Цяо Мин привык, что его Чёрное знамя тьмы подавляет волю врагов. Но сейчас он сам был подавлен аурой Шаоцяня. Безупречно красивое лицо с этой странной, пугающей улыбкой обладало какой-то иррациональной, сводящей с ума «красотой».

У Шаоцянь не атаковал первым. Но Цяо Мин не выдержал давления — он сам обратился в тень и возник прямо перед противником. В этот раз он не стал играть в прятки, а выхватил пару иссиня-черных призрачных когтей. Скрежет когтей о тяжелый лук был невыносим, он заставлял сердце сжиматься, а нервы — звенеть от напряжения.

Цяо Мин давно привык к этому звуку. Он намеренно использовал все странности своих когтей, чтобы ослабить врага. Но на Шаоцяня это не действовало. С той же неизменной улыбкой он взмахнул луком, обрушивая его на когти. Тетива в тот же миг совершила оборот, зацепив один из когтей за изогнутый шип.

Цяо Мин почувствовал резкую боль в запястье. Оружие едва не вырвалось из рук. Он судорожно сжал рукояти и отскочил назад, но Шаоцянь неизменно оказывался в шаге от него.

Чжун Цай не сводил глаз со своего Старины У. Шао Цин тоже внимательно наблюдал, и благодаря общению с Цаем он видел больше остальных. Он видел, как взгляд Шаоцяня, стоило ему отвернуться от мужа, мгновенно превращался из нежного в безжизненный. Он видел эту застывшую улыбку... и ему становилось не по себе.

Этот бой с Цяо Мином был куда более странным, чем все предыдущие. Шао Цину даже показалось, что с рассудком Шаоцяня что-то не так. Он невольно покосился на Чжун Цая. Тот сиял от радости, как и прежде.

Шао Цин не выдержал и тихо спросил:

— Юный Чжун... тебе не кажется, что с братом У что-то не так?

Чжун Цай оглядел мужа и искренне удивился:

— Всё в порядке.

Шао Цин: «...»

— Уважаемый, вы слишком деликатны, — наконец выдал Чжун Цай.

Шао Цин: «...»

— Вы просто не понимаете, — Чжун Цай улыбнулся. — Шаоцянь так выражает свое дружелюбие.

— Что?

— Понимаете, это же последний круг. В предыдущих девяти раундах Шаоцянь изучал противников и обдумывал тактику, поэтому выглядел отстраненным. Он не хотел быть грубым, поэтому сейчас, когда всё заканчивается, решил проявить немного тепла.

Собеседник не нашелся с ответом. Такое проявление... дружелюбия?

— Не обижайтесь на него, — искренне добавил Чжун Цай. — Шаоцянь еще очень молод и довольно застенчив, он просто не слишком искусен в общении. Сейчас его эмоции могут быть

немного не впадет, но он очень старается.

У Шаоцзянь действительно старался ради мужа. В их безмолвном диалоге А-Цай попросил его быть помягче, и он подчинился. По крайней мере, А-Цай должен видеть, что он прислушался. С самоконтролем у него всегда был полный порядок.

Вскоре Цяо Мин проиграл. На помост поднялся следующий гений, который, обливаясь холодным потом под «дружелюбным» взглядом Шаоцзяня, вступил в бой. И тоже пал. Затем третий, четвертый... Улыбка Шаоцзяня казалась приклеенной к лицу, не меняясь ни на йоту.

У Шао Цина на душе стало совсем странно, и он больше не пытался заговорить с Чжун Цаем. Тот же и не заметил — всё его внимание было поглощено мужем.

«Пятеро...»

«Шесть!»

«Семь...»

Внезапно раздался знакомый голос. Он донесся издали, но прозвучал отчетливо, прямо у его уха:

— Мастер пилюль Чжун.

Чжун Цай вздрогнул и обернулся. В десяти шагах стоял Тан Ле. Рядом с ним возвышался могучий широкоплечий воин. От обоих исходила тяжелая, подавляющая аура, заставлявшая окружающих невольно расступаться.

Чжун Цай просиял:

— Старший Тан, вы вернулись? — Он перевел взгляд на спутника. — А кто этот уважаемый мастер?

Тан Ле подошел ближе и представил воина:

— Это Прародитель семьи Шао, Шао Ин.

Чжун Цай вежливо поклонился:

— Приветствую уважаемого Шао.

Шао Ин одарил юношу благосклонной улыбкой. Он сразу определил его возраст — едва исполнилось двадцать. Двадцатилетний мастер пилюль второго ранга... В городах покрупнее такие таланты — на вес золота.

Шао Цин, заметив своего Прародителя и его почтение к Тан Ле, сразу понял: спутник Чжун Цая тоже достиг Сферы Слияния. Он тут же почтительно поклонился Тан Ле:

— Приветствую уважаемого мастера Тана.

Тот лишь кратко кивнул в ответ. Шао Ин обратился к Тан Ле:

— Брат Тан, а где твой второй наниматель?

— Прямо на помосте, — усмехнулся Тан Ле.

На арене кипел яростный бой, но Шао Ин с первого взгляда понял: наниматель Тан Ле победит без труда. Шао Ин сделал знак Шао Цину, и тот быстро ввел Прародителя в курс дела. Услышав о подвигах Шаоцяня, Шао Ин понимающе кивнул.

Шао Ин видел, что запас сил юноши на арене еще велик, и исход последнего круга предрешен. Тан Ле, будучи особым солдатом Дао, на самом деле не знал об истинных способностях своих хозяев, позволив Шао Ину самому строить догадки. Глядя на Шаоцяня, Тан Ле убедился: мастер, способный пробудить Помост Назначения Генералов, полностью оправдывает ожидания.

Шао Ин не стал здесь задерживаться. Попрощавшись с Тан Ле, он вскоре отправился к городским воротам. Конечно, он узнал, где остановились Чжун Цай и остальные — Тан Ле после тоже будет жить там. Шао Цин тоже поспешил удалиться, понимая, что гостям нужно поговорить с Тан Ле наедине.

Оставшись вдвоем с Чжун Цаем, Тан Ле негромко произнес:

— Поручение выполнено.

Чжун Цай расплылся в улыбке. Тан Ле уходил, чтобы собрать недостающие ресурсы для улучшения Алтаря и Помоста. Раз он вернулся — значит... ресурсы собраны!

Чжун Цай едва не подпрыгнул от восторга. Как только Старина У закончит, они обсудят, когда приступить к улучшению!

Спустя полчаса У Шаоцянь поверг последнего противника. Им был гений семьи Шао — Шао Хуа, один из немногих, кто мог сражаться на равных с Цяо Мином. Но против Шаоцяня и он оказался бессилён. Шао Хуа, будучи человеком благородным, после того как исчерпал все приемы, сам признал поражение.

К этому моменту У Шаоцянь успешно отразил вызовы ста сильных мастеров Сферы Освящения, прибывших со всех сторон. Большинство были членами трех великих семей, но были и гении кланов поменьше, и опытные бродячие практики. За все дни аттестации он стал единственным защитником не из правящих семей Юйцзяо, кто смог удержать арену.

Толпа была покорена. Многие практики уже подумывали о том, как бы завязать знакомство с этим молодым героем. Только У Шаоцянь до самого конца боя сохранял ту самую улыбку. Однако в следующий миг зрители увидели, как это выражение исчезло.

Странность ушла, потому что У Шаоцянь снова смотрел на Чжун Цая. Его глаза, лишённые до этого всяких чувств, мгновенно наполнились теплом и нежностью. Теперь его улыбка была совершенно естественной, а напряжённые линии губ наконец расслабились.

У Шаоцянь спрыгнул с помоста и в мгновение ока оказался рядом с Чжун Цаем. Тот, не стесняясь окружающих, широко раскинул руки и бросился к нему, крепко и даже яростно обняв мужа!

«Старина У! Ты был великолепен!»

Шаоцянь, не колеблясь, обнял его в ответ. Для них обоих это было нечто новое. Впервые У Шаоцянь мог насладиться триумфом, открыто принимая поздравления от самого дорогого человека. Они оба долго этого ждали. На сердце у Шаоцяня стало тепло, и он невольно сжал объятия чуть крепче. Чжун Цай был на седьмом небе от счастья, он азартно хлопал мужа по спине.

На глазах у всех обниматься долго не стоило, даже если вы супруги. Чжун Цай первым

отстранился и похлопал Шаоцяня по плечу, давая знак отпустить. Тот послушно разжал руки. Тут же они заметили на себе десятки любопытных взглядов. Впрочем, смущения они не испытали и лишь вежливо улыбнулись окружающим. Куда больше неловкости чувствовали сами зрители — те, кто хотел подойти и познакомиться, теперь не знали, как вклиниться в этот момент.

Чжун Цай не стал ждать и, вежливо кивнув всем на прощание, потянул Шаоцяня к выходу. Тан Ле следовал за ними. Шао Цин, немного поколебавшись, всё же догнал их. За последние часы он успел о многом подумать. Например, о том, что Тан Ле назвал юношу «мастером пилюль Чжуном», и о том, как чутко тот реагировал на силу окружающих...

Чжун Цай, сияя, без умолку тараторил:

— В перерывах ты отдыхал, и я не хотел тебя отвлекать, но на арене ты был просто безупречен!

— Серьезно! Местные ребята куда сильнее тех, с кем ты дрался раньше. Никакой пустой болтовни, только дело!

— Я же видел, тебе и самому понравилось, верно?

— Было несколько сильных противников, но против тебя у них нет шансов!

— Пару раз я даже не понял, как ты победил — так быстро всё закончилось. Потом обязательно мне всё расскажешь!

У Шаоцянь слушал его, улыбаясь и кивая в такт. Чжун Цай воодушевился еще сильнее. Они весело переговаривались, когда сзади раздался голос Шао Цина:

— Юный Чжун, брат У, подождите!

У Шаоцянь узнал голос того практика, что весь день развлекал его А-Цая разговорами. Чжун Цай обернулся, вопросительно глядя на собеседника.

«Этот парень и так выведал у меня всё, что только можно — и про Шаоцяня, и про меня. Чего ему еще нужно?»

Шао Цин быстро подошел и остановился в трех шагах. Чжун Цай вопросительно приподнял бровь. Практик из семьи Шао спросил прямо:

— Юный Чжун, я слышал, ты мастер пилюль?

— Так и есть, — подтвердил Чжун Цай.

Лицо Шао Цина просветлело, и он с улыбкой спросил:

— В таком случае, не желаешь ли ты принять участие в состязании смежных искусств?

Чжун Цай опешил:

— Состязания смежных искусств? Что это еще такое?

Шао Цин охотно принялся объяснять. Оказалось, что после завершения поединков на аренах аттестация кланов переходит в новую фазу. Сначала старейшины ранга Слияния из трех семей будут соревноваться между собой за закрытыми дверями. Судьями выступят Городской глава и наблюдатели. Затем наступит черед Прародителей ранга Возведения Дворца. Эти битвы скрыты от глаз обычных практиков.

Но чтобы заполнить эти пять дней, проводятся другие состязания — битвы талантов в смежных дисциплинах. Сюда входятковка артефактов, создание пилюль, начертание талисманов и построение формаций. Именно по этим дисциплинам судят о глубине ресурсов и мощи клана. Из четырех направлений искусство создания пилюль ценится выше всего — за него дают больше всего очков. Состязания проводятся на трех уровнях, от первого до третьего ранга мастерства.

Шао Цин предложил Чжун Цаю участвовать в состязании мастеров пилюль второго ранга. Множество алхимиков сойдутся на одной арене, чтобы показать свое мастерство. И хотя Чжун Цай не принадлежал к великим кланам, достойное выступление сулило щедрую награду от самого Городского главы.

Выслушав его, Чжун Цай первым делом спросил:

— А Шаоцяню за успешную защиту помоста полагается награда?

Собеседник не ожидал такого вопроса, но ответил:

— Разумеется.

Чжун Цай выжидающе посмотрел на него.

— Достижения брата У записаны отдельно, — пояснил Шао Цин. — Награду вручит лично

Городской глава после завершения всей аттестации.

— Понятно, — кивнул Чжун Цай. — А если я выиграю свое состязание, что получу?

— Если мастер-даньши Чжун одержит победу, он получит в награду рецепты пилюль от Резиденции городского главы. Наши три семьи также предоставят несколько ценных рецептов из своих запасов, — Шао Цин добавил: — Это будут рецепты рангом выше, чем само состязание.

То есть победитель среди мастеров второго ранга получит рецепты третьего.

— Вы отдаете свои рецепты? — удивился Чжун Цай. — Не боитесь убытков?

Собеседник по этому тону понял, что юноша абсолютно уверен в своей победе.

— Мы предпочитаем заводить дружбу с выдающимися мастерами пилюль, — улыбнулся он.

Чжун Цай понимающе кивнул и посмотрел на мужа. Его глаза азартно блестели. У Шаоцянь мягко произнес:

— Завтра я буду рядом с тобой.

Чжун Цай тут же повернулся к Шао Цину:

— Когда и где?

— С завтрашнего дня, каждое утро в час змеи. По одному раунду в день. Спустя четыре дня лучшие мастера сойдутся в финале на пятый день, чтобы определить победителя. Всё будет происходить здесь же, на Боевой арене Юйцзяо, под взорами множества зрителей.

<http://bllate.org/book/15860/1500516>